Ольга НАЦАРЕНУС пишет и публикуется недавно, но очень активно. Публиковала стихи и прозу в журналах «Союз писателей», в альманахах «Российский колокол», «Сборник прозы», в сборниках «Союзники–7 (поэзия), «Как судьбы людские читаю я осень», «По ту сторону реальности», «ЛитОгранка», «Дышать любовью», «Золотые купола святой Руси». Участница проектов «Писатель года – 2012» и «Поэт года – 2012», в Литературной газете «ЛИК» (Кемерово – 2012).

Финалист премии «Писатель года 2012», лауреат международного поэтического фестиваля в Македонии, победитель Первого альтернативного международного конкурса «Новое имя в фантастике» (2013), кандидат в члены Интернационального Союза писателей, член международного Союза творческих сил «Озарение».

РЕГЕНТ[51]

Ослепительное пламя тяжёлого осеннего солнца пробивалось сквозь густую крону осин и клёнов, наполняя аллею восхитительным безумством красок. Смелые потоки свежего ветра непринуждённо подхватывали с влажной дорожки опавшие листья, поднимали их в воздух, играя и раскидывая беспорядочно по кружевным спинкам блестящих чугунных скамеек. Пурпурные, золотые, изумрудные волшебства этого маленького земного праздника, словно обезумевшие бабочки, вращаясь, ловили каждый короткий лучик, как отчаянный поцелуй уходящего надолго тепла. Стайка маленьких серых птичек, гомонящих наперебой, рассыпалась по холодному ковру увядающей травы и затихла…

Где-то в опустевшей гостиной часы пробили полдень, и брошенный фрагмент её скупого бытия остался неизменным: немые, пыльные книги, видимые сквозь мутное стекло дубового шкафа, исписанные нотными знаками листы мягкой белой бумаги, разбросанные по письменному столу, смятый клетчатый плед на диване и кот, удобно устроившийся на широком подоконнике между горшочками с геранью. Утром из этого нехитрого мира вышел человек. Наспех облачившись в серое сукно старого пальто, укутав

---

51 Регент – (от лат.regens – правящий) руководитель церковного хора, или временный правитель монархического государства

тонкую шею объёмным шерстяным шарфом, он долго рассматривал начищенные до блеска ботинки, но надел совсем другие, не по сезону, из тонкой замши. Истинно желающий проявить заботу зонт, безупречно служивший хозяину и в качестве трости, остался стоять у ножки кабинетного рояля, демонстрируя выпавшую из чёрных складок ленточку с надписью: «Вернуть регенту костёла св. Павла пану Шикульскому».

Двери парадного закрылись за узкой, сутулой спиной, и через некоторое время, минуя бесцельное шатание по узеньким грязным улицам, Юзеф Шикульский волей неведомых сил оказался в аллее городского парка… Утром он решил, что никогда более не вернётся к своей работе. Никогда! Решение это было безвозвратным и исключало сомнения. Сегодня, впервые за последние восемнадцать лет, рассерженный будильник не стучал своими металлическими молоточками, призывая к утренней молитве. Впервые не был заварен крепкий чёрный кофе и холодное лезвие бритвы не коснулось мягкого подбородка. Впервые за долгую, тёмную ночь Регент не увидел снов…

…Ах, какие же прекрасные сны рождались в его далёком детстве! Исполненные фантазий, сокровенных желаний, тайн и необъяснимых страхов. Цветные, вкусные, свободные по своей сути от железных ограничений и запретов!.. А ещё в том далёком детстве была мама – маленькая, худая женщина с несчастным, болезненным выражением лица, проводящая бессонные ночи за круглым обеденным столом, бесконечно проверяя и проверяя тетради учеников. Довольствуясь крошечным жалованием, принимая с великим смирением женское одиночество и бегающих по полу крыс, она исправно посещала воскресные мессы, дарящие скорее не радость и облегчение, а немую серую грусть. В рваной, остывшей памяти Юзефа не осталось даже следов от её улыбки и смеха. Видимо потому, что эти явления были крайне редки и малозначительны. Зато он хорошо запомнил тепло её рук на своём колючем затылке, равно как и тепло, ощущаемое маленькой детской ладонью по дороге на занятия музыкой или в костёл…Отчётливым фрагментом далёкой отныне действительности в архивах памяти застыла ваза на старом комоде.

Дешёвая ваза толстого стекла из крупных граней. А в ней – неуклюжая, тяжёлая ветка облепихового дерева с острыми зелёными листьями, венчающими ярко-рыжие шарики ягод…

…Тогда всё оборвалось внезапно. Изнемогающая от многодневной горячки женщина совсем напрасно пыталась уговорить опустившего глаза доктора: «Нельзя мне сейчас на тот свет… Сын…». Но ровно в положенный срок Юзеф увидел свою мать в последний раз – в засыпанном скромными полевыми цветами гробу. Тонкие мёртвые пальцы неестественно удерживали длинную жёлтую свечу, а родное до стона лицо приобрело черты некой угловатости и возмущающего равнодушия. Подталкиваемый в спину родными и случайными сочувствующими Юзеф не смог подойти и поцеловать…

На следующий день ему исполнилось шестнадцать…

…Отрешённо вышагивая в тенистом полумраке аллеи, пан Шикульский что-то невнятно бормотал себе под нос, то громко сморкаясь в клетчатый

носовой платок, то поглядывая на часы, манерно вскидывая левую руку до уровня глаз. Нашёл наконец-то свободную от отдыхающих лавочку, удовлетворённо присел, приняв положение вольное, почти домашнее. Только сейчас, случайно обратив к небу бледное лицо, он заметил проникающие сквозь ветви деревьев солнечные блики, непринуждённо играющие с листопадом. Сердце его внезапно сжалось. Больно застучало в висках: «Ave, Ave Maria…». Как же мелок и ничтожен человек, во всех ежедневных мыслях своих, в своих намерениях и действиях! Как же отличается он по существу своему от задуманного и погружённого Господом в плоть изначально! Все эти… Все эти скверно исполняющие свои партии, перевирающие, и выкручивающие ноты церковной музыки на свой манер. Подсознательно несущие желание ублажить небеса, отвлечь их от греховности своей, от скотского страха.

Кто они? Кто из них на самом деле был бы готов пролить кровь за Христа? Может быть, пани Ядвига, исправно посещающая репетиции хора? Прокуренный голос, яркая помада на губах… Или пан Войцех, никогда не выпускающий из рук томик Катехизиса? Этот благовидный пожилой мирянин совсем не умеет испытывать чувства стыда, приходя в костёл после двух-трёх опрокинутых рюмок... Или, может, пан Радмирский, надменный угрюмый банковский служащий из Старого города? За всю жизнь он не удосужился выучить хотя бы одну молитву! Вечно многозначительно молчит или, невпопад песнопению, шевелит маленькими узкими губами...

Кажется, Ангелы Господни отвернулись от настоятеля костёла отца Аркадия, так как не осталось у них терпения поддерживать смирение этого воистину святого человека, проживающего жизнь свою на коленях, в усердных молитвах за паству…

Нет сил, нет сил смотреть на всё это! Изо дня в день, из года в год стараться не повысить голос, не сорваться на крик, не высказать своего мнения. Не осуждать в глаза, прилюдно и отчаянно стараться не стать таким же, как все, не приобрести кривизну в душе своей… Ну почему, почему лоно Святой Церкви заполнено самодовольными и равнодушными, живущими по своим законам, не желающими перемен, не имеющими даже малую потребность к вопрошению внутрь себя? Почему сердце человеческое более волнует грязь под ногами, нежели свет небесный? А мысли вокруг таковы, что воняет от них нестерпимо, и вьются над умами мухи…жирные и довольные!

«Ave, Ave Maria…», пресвятая Дева, обернись на меня, протяни руки материнской любви и помощи! Дай почувствовать, доступны ли тебе молитвы людские, произнесённые сквозь суету мирскую, привычки ради. Не подкреплённые раскаянием, не прошитые натянутыми до предела жилами смирения и благодарности?.. Мир уходит прочь, мир стал чужим, наполненным ледяной отрешённостью и уничтожающим самообманом…»

– Пан Шикульский, Вы? Божечки мои, пан регент! – внезапно перед коленями Юзефа возник нетвёрдо держащийся на ногах мужчина в военной форме.

– Не регент уже… С сегодняшнего дня не служу.

– А…да и дьявол с этим… Разрешите? – мужчина протянул руку с недопитой бутылкой водки в сторону лавочки и сел. – Мне как раз и надо вас сейчас, видимо. Такое на душе творится, преисподней подобно, честное слово…

– Сомневаюсь, что мои уши подходят сегодня для исповеди, пан офицер. Разрешите сделать глоток?

Юзеф, съёжившись, жадно отпил из бутылки, не отказавшись также от учтиво предложенной шоколадной конфеты в яркой голубой обёртке. Его случайный собеседник заметно оживился, глаза его заблестели, а руки извлекли из-под кителя наградной позолоченный портсигар:

– Однако, вижу, пан регент, и вам нелегко этим солнечным осенним утром, а? – вспыхнувшая спичка стремительно таяла, облизываемая волнующимся от ветра пламенем, – А хотите, угадаю причину вашего душевного недомогания? Хотите?

Юзеф повернул голову и подумал о том, что ранее никогда не видел лица этого человека так близко – со всем присущим каждому лицу откровением. Густые, широкие брови, серые глаза, идеальная по форме полоска усов над чуть припухшей губой и отвратительный, совсем ещё свежий, шрам. От виска к подбородку, через всё поле мужественной, гладко выбритой левой щеки. Юзеф смутился и опустил глаза:

– Не хочу…

– Отчего же? В этой причине нет ничего зазорного! Причиной, конечно же, является женщина!– следующий за смелым высказыванием глоток из бутылки был произведён уже победителем, а никак не растоптанным тайными обстоятельствами мужчиной.

Юзеф хотел возразить. Но горячая волна возмущения молниеносно прокатилась от сердца в простуженное горло, наполнила голову и на удивление быстро утихла, не сумев родить слово. То ли согласно многолетней привычке, то ли от бессилия…

– Жен-щи-на! – уже гораздо громче повторил собеседник, – И Вы меня не переубедите, пан регент! Вот скажите, любезный, имеется ли у Вас жена? Кто она? Может быть, докторша? Или учительница? Впрочем… – не дождавшись ответа, он воспроизвёл следующий, то ли исцеляющий, то ли убивающий, глоток спиртного:

– Тошно мне. Ох, как тошно, пан регент! Осознание того, что нет в жизни более подлого существа, чем женщина, окончательно разрушило меня! Гадкие, омерзительные твари, способные принимать любые образы, вселяться в самые неимоверные оболочки! И всё ради одной цели – завладеть нашим разумом, нашей душой, получить желаемые блага и удовольствия. Вот, кто с благословения самого дьявола по-настоящему управляет миром! Самое ценное, самое сокровенное и дорогое бросается нами к их ногам! Мы называем их загадочными, феерическими, божественными! Мы, как безумные, ловим их запахи, взгляды, жесты, осыпаем цветами и поцелуями…

А они играют нами, нами развлекаются, и над нами смеются!.. Души этих чудовищ прочно закрыты – невозможно угадать их помыслы и планы. Все грехи человечества рождаются ради них и из-за них!.. Сердце моё с завидным достоинством выдержало лишения – отсутствие денег, голод, ужасы войны и потерю близких мне людей. Но раздавила, искалечила и надругалась над ним именно женщина!… Любовь, страсть, чувство… Сколько же пылающего, чистого чувства, капля за каплей, вздох за вздохом, день за днём я отдал ей! Сколько надежд и безграничных желаний она поселила во мне – обаянием и плотью, тонким умом и совсем, казалось бы, детскими, наивными капризами! И вот… Бессовестно предала, бросила, ничего не оставив, ушла… Уползла змеёй… под чужое одеяло. Как жить теперь? Как? И главное – зачем?.. Пустота вокруг…

И в тот же момент ловким, привычным движением офицер извлёк из потёртой кожаной кобуры револьвер и опустил его на лавочку совсем близко к руке Юзефа. Тот вздрогнул, быстро посмотрел по сторонам и прошептал:

– Вы что же это надумали, дорогой мой?.. Вы и в мыслях не смейте держать подобное! Я не могу допустить такое! Я не позволю!..

– Что? Не позволите? Чего вы не позволите? Не позволите облегчить мои страдания? Не позволите избавиться от никому не нужной жизни? От обмана, измен и поганой лжи? Да имеете ли вы представление о том, пан, что такое одиночество? – офицер громко, истерично захохотал, поднялся на ноги, снял испачканный грязью китель и швырнул его на колени Юзефа. Сжав кончиками пальцев виски и прищурившись, он зарыдал, заходил, задвигался взад-вперёд по аллее… Жалкий и лишний…Чужой…

Оглушительный возглас выстрела обрушился в широкие, растопыренные лапы кустарников. Листва содрогнулась и зашумела. Лопнули зеркала серебряных луж, и поток свежего ветра испуганно охнул, разбив замершее пространство на множество безликих осколков, составлявших ещё совсем недавно восхитительное торжество дыхания жизни. Неведомо откуда впорхнули гортанные вороньи хрипы, будто силой отчаянного, раскалённого желания выдавливаемые из отвратительного чрева, из-под густоты чёрных, блестящих перьев. Крылья. Страшные, влекущие крылья повсюду. Сильные мрачным безрассудством и важностью происходящего…

…Пламя свечи, перед значительного размера Распятием, волновалось, становясь то вытянутым, узким жалом, то еле заметной, совсем крошечной бусиной. Ничтожно малым, вызывающим сожаление и грусть казался перед белым, мраморным Иисусом отец Аркадий, упирающийся худыми коленями в дощатый крашеный пол церкви. Закрыв лицо влажными ладонями, он беззвучно плакал, стискивая зубы и невольно подёргиваясь спиной. Шелестя крупными складками красного широкого плаща, совсем рядом припала на колено пани Ядвига. Сняв с руки тонкую перчатку и, как положено, трижды наложив на себя размашистый крест, она, чуть приподняв подбородок, поспешила тихо произнести:

– Позвольте узнать, отец, когда состоится отпевание пана регента?

Священник испуганно вскинул голову и строго прищурился, всматриваясь в лицо женщины:

– Вы что же это…М-да…Разве вы не знаете отношение Святой Церкви к самоубийцам?

Женщина испуганно раскрыла глаза:

– Как к самоубийцам? Что вы говорите? Разве пан Юзеф не стал жертвой…

– Не стал, дочь моя, не стал. Свидетели имеются… Молитесь о душе его, да поусерднее. Ему сейчас ох как это требуется!

Растерянная, оглушённая неожиданным известием, пани Ядвига выбежала из костёла. Лицо её было взволнованным, тоненький белый шарфик сполз с белокурых локонов и беспорядочно метался на шее, увлекаемый порывами холодного ветра. Пытаясь остановить внезапно настигшее головокружение, женщина вонзила изящные пальцы в кружево чёрного кованого забора и закрыла глаза: « Ave, Ave Maria…», пресвятая Дева… Что же это… Как же это… Зачем?..»

Совсем недалеко, на городской ратуше часы исправно пробили полдень. Вдоль набережной, не спеша, прополз старый жёлтый трамвай, важно разбрасывая грубый, металлический грохот по залитым солнцем улицам и подворотням. Где-то совсем рядом восторженно закричала детвора, и десятки разноцветных воздушных шаров радостно взмыли к облакам, к самой синеве распахнутых небесных владений…

– Что с вами? Пани, вам плохо?.. Боже мой, вы же сейчас упадёте… – сильные мужские руки невольно заключили ослабевшую женщину в объятия, и ярко накрашенные губы совершенно случайно коснулись безобразного свежего шрама на небритой щеке:

– Видимо зла беда ваша, пани… Да всё проходит… Уж поверьте мне, всё…

31 Октября 2013 г.

КРЕСТ

...Тогда зима была. Земля российская под снегами белыми, всем своим множеством городов, деревень, рек и озер, лесов дивных. Стужа многодневная, ветром ледяным приправленная. Иная птица – с ветки замертво и душа вон. Ели по лесам роскошные, распоясанные, дразнят алмазами на уборах своих. Ни зайца не видать, ни белку шалую – мороз крепкий! Солнце грустное, бледное такое, словно укуталось в грязные облака. И никакой радости в сердце. Ноет оно и щемит, будто печаль-тоска за спиной стоит, часа своего дожидается, зубы стискивает. А, может, это хандра обычная, беспричинная? Холод за окном, замерло всё, остановилось, вот и не лежит приложить себя к делу какому-то. Оттого и маета.

Как-то к полудню обрушился гром с неба. Страшными звучными раскатами наполнял он звенящий воздух и достигал каждого уха. Вот тут-то и появился в облаках Он, крест. Высоко-высоко возник и повис торжественно – большой такой, золотым свечением сильный. И началось в умах. Вопросами все наполнились, думами. Заботы привычные второстепенность обрели. Когда глаза в небо, какие уж там заботы! Кто за Писание схватился, а кто в магазин за водкой побежал. С горькой проще осмысление да покаяние произвести...

С наступлением сумерек крест начал стремительно снижаться. И к моменту захода солнца решительно погрузился в болото, на окраине города, как раз между психиатрической больницей и опушкой леса. И легко прожёг он ледяную кору топкой жижи... будто словом каким обидным, но важным.

К утру аномалия особое благолепие приобрела: болото преобразилось, растаяло, воды его изумрудный оттенок заимели, и свечение установилось над ними. Снег по берегам оплавился, размяк, чёрные торфяные кочки, да камышовый сушняк обнажив. Цветочки вокруг возникли, меленькие такие, голубенькие. Стужа повсюду, мороз, а тут – цветочки ! Чудо же! Как ещё назвать?

Народ к этому чуду дорожку протоптал скоро. И множество мыслей и рассуждений повисло тогда над болотом. Думали много и часто: думали в одиночестве, наперевес со своим укромным, от посторонних глаз спрятанным умом. И толпой думали, среди подобных, неравнодушных к событию. Понять хотели, к чему сей знак? Отчего именно в этом месте случился? Предвещает он события добрые или пора готовиться к окончанию дней земных? Может знак это, что каяться следует чаще, молиться сердечнее, чтобы чистоту небесную обрести? А с другой стороны – не было инструкций конкретных вместе с крестом сброшено, чего выдумывать, как привязывать события к факту? Серой липкой дымке отрицания тоже нашлось место над изумрудными водами. Думы эти были тяжелы, но пусты и удобны – не было никакого креста, не было. Безусловно, упало что-то. Метеорит, например, или другой какой элемент космический. Но то, что форму креста он имел, – спорно и явно искажено человеческим сознанием, либо представляет собой оптические причуды атмосферы...

А дальше всё по расписанию Вселенскому покатилось: ночь сменяла день, день за ночью спешил, Луна на месте, как прежде, во всех своих фазах замечена была. Времена года не попутались никак – всё, как раньше, как испокон века. Дожди льют, ветры дуют, солнце светит, бабы рожают... А думы те, да рассуждения всякие над изумрудной гладью так и висят, коробятся. Иногда движение тихое имеют, иногда цвет и очертание меняют. Но там они, там, точно – все знают об этом! Так и будет навек теперь... В болото-то ... никто не осмелится... вдруг там и вправду... Сила особенная, непонятная…